

ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Часть 2

УЧЕБНИК ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

Под редакцией
доктора исторических наук **С. И. Лунёва**

*Рекомендовано Учебно–методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям*

*Допущено учебно–методическим объединением вузов Российской
Федерации по образованию в области международных отношений
в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по направлениям
подготовки (специальностям) «Международные отношения»
и «Зарубежное регионоведение»*

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2019

Ответственный редактор:

Лунёв Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Редакционная коллегия:

Воскресенский Алексей Дмитриевич — доктор политических наук, декан факультета политологии, профессор кафедры востоковедения факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России;

Стрельцов Дмитрий Викторович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук.

Рецензенты:

Сумский В. В. — доктор исторических наук, директор Центра Ассоциации государств Юго-Восточной Азии при Московском государственном институте международных отношений (университет) МИД России;

Братерский М. В. — доктор политических наук, заведующий кафедрой мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

И90 **История стран Азии и Африки после Второй мировой войны. В 2 ч. Ч. 2** : учебник для академического бакалавриата / под ред. С. И. Лунёва. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 256 с. — Серия : Бакалавр. Академический курс.

ISBN 978-5-534-03133-1 (ч. 2)

ISBN 978-5-534-03132-4

Учебник представляет сквозной курс истории стран Азии и Африки в течение последних 70 лет, что позволяет проследить эволюцию всей зоны Востока, показать кардинальные изменения, связанные с его ролью в мировой системе, выявить единичное, особенное и общее в развитии стран Азии и Африки. В учебнике основное внимание уделяется внутривосточному и социально-экономическому развитию. Он включает и изучение культурно-цивилизационных и исторических параметров, международных отношений всей зоны Востока. Анализ взаимосвязи экономических, социальных, политических, исторических, внешнеполитических и культурологических измерений и применение многофакторного подхода позволяют дать комплексное знание о трансформации Востока, об основных разнонаправленных векторах различных процессов в Азии и Африке. Во втором томе рассматриваются проблемы Центральной Азии (в которую включена Монголия, которую часто считают частью Дальнего Востока), Ближнего Востока, Тропической и Южной Африки, освещается положение стран Азии и Африки в современной мировой политической и экономической системе..

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов и преподавателей высших учебных заведений, а также всех интересующихся вопросами и проблемами развития и функционирования стран Востока.

УДК 94(075.8)
ББК 63.3(5/6)63я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-03133-1 (ч. 2)
ISBN 978-5-534-03132-4

© Коллектив авторов, 2015
© ООО «Издательство Юрайт», 2019

Оглавление

Авторский коллектив	5
Предисловие	6
Глава 6. Центральная Азия	9
6.1. Бывшие советские среднеазиатские республики	9
6.1.1. Политическое устройство государств бывшей Средней Азии	9
6.1.2. Гражданская война в Таджикистане	17
6.1.3. Деятельность исламистов	19
6.1.4. Национальные отношения	23
<i>Список рекомендуемой литературы</i>	32
6.2. Монголия	33
6.2.1. Получение независимости Монголией	33
6.2.2. Монголия в 1946—1991 годах	35
6.2.3. Политическая история Монголии в 1991—2014 годах	40
<i>Список рекомендуемой литературы</i>	48
<i>Практикум</i>	48
Глава 7. Ближний Восток	51
7.1. Арабские страны	51
7.1.1. Достижение политической независимости и развитие арабских стран в 1950-х годах	51
7.1.2. Становление государственности и укрепление политической независимости в 1960-е годы. Арабский национализм и социализм	75
7.1.3. Развитие арабского мира в 1970—1980-е годы: прагматизм в политике, межгосударственные противоречия, конфликты	89
7.1.4. Арабский мир после краха биполярной системы. Эпоха глобализации и демократизации	113
7.1.5. «Арабская весна». Трансформационные процессы 2011—2014 годов	126
<i>Список рекомендуемой литературы</i>	136
7.2. Государство Израиль	138
7.2.1. «Государство в пути»	138
7.2.2. Основы политической системы	139
7.2.3. Внешняя политика в 1950—1960-х годах	141
7.2.4. Израиль в 1970—1990-х годах	144
7.2.5. Израиль в конце XX — начале XXI века	147
<i>Список рекомендуемой литературы</i>	152
<i>Практикум</i>	153

Глава 8. Тропическая и Южная Африка	161
8.1. Тропическая Африка в 1960–1990-х годах	161
8.2. Тропическая и Южная Африка в XXI веке	175
8.3. Военные режимы в Африке	190
8.4. Религия в Африке	192
8.5. Вооруженные конфликты	200
<i>Список рекомендуемой литературы</i>	203
<i>Практикум</i>	203
Глава 9. Восток в современной мировой экономической и политической системе	207
9.1. Экономическая сфера	207
9.1.1. Макроэкономические достижения Востока и политэкономические процессы	207
9.1.2. Постиндустриальный и индустриальный пути развития	209
9.1.3. Разновекторность социально-экономического развития стран Востока	216
9.2. Политические факторы	218
9.2.1. Политические последствия распада биполярной системы	218
9.2.2. Распространение ядерного оружия	221
9.2.3. Процессы регионализации (формирование региональных держав и укрепление региональной интеграции) на Востоке	227
9.2.4. Политические процессы в странах Востока	232
9.3. Цивилизационные параметры	234
9.3.1. Нарастание культурно-цивилизационных особенностей на современном этапе и новые теории развития зоны Юга	234
9.3.2. Процессы отчуждения от западной цивилизации	237
9.3.3. Этноконфессиональные конфликты на Востоке	240
9.3.4. Экологические и демографические проблемы	243
<i>Список рекомендуемой литературы</i>	246
<i>Практикум</i>	247
Темы курсовых работ, информационно-аналитических справок, проектов	249
Примерный список вопросов для подготовки к экзамену	251
Ответы на тесты	253

Авторский коллектив

Лунёв Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — гл. 6, 9;

Сапронова Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России — гл. 7 (7.1);

Звягельская Ирина Доновна — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России и кафедры иудаики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук — гл. 7 (7.2);

Емельянов Андрей Львович — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, профессор кафедры африканистики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова — гл. 8.

Предисловие

Во второй части учебника рассматривается внутривосточное и социально-экономическое развитие стран Центральной Азии (в которую включена и Монголия, которую часто считают частью Дальнего Востока), Ближнего Востока, Тропической и Южной Африки за последние 70 лет. Представлены изменения культурно-цивилизационных и исторических параметров (на чем концентрируется востоковедение) и развитие международных отношений (на чем делается акцент в рамках дисциплины «Международные отношения»). Комплексный анализ экономических, социальных, политических, исторических, внешнеполитических и культурных измерений позволяет получить комплексное знание о трансформации Востока и об основных разнонаправленных векторах различных процессов в Азии и Африке.

В силу того что количество стран на Ближнем Востоке и в Тропической и Южной Африке огромно, в учебнике нет специального анализа конкретных государств этих регионов (Ближний Восток представлен более подробно).

История стран Азии и Африки рассмотрена в данном учебнике на уровне государственных образований. Поэтому функционирование межгосударственной системы, потенциал государств, структуры и люди, принимающие решения, общество в целом не стали предметом специального анализа. Материал представлен в русле системного подхода, а выбранный уровень анализа условно можно назвать «мезоуровнем», если считать макроуровнем функционирование всей мировой системы.

В целях добавления комплексности в освещение всей новейшей истории Востока и более четкого осознания общего, особенного и единичного в политическом и социально-экономическом развитии этого макрорегиона в качестве заключения представлена глава «Восток в современной мировой экономической и политической системе». После Второй мировой войны Япония, Китай, Индия, Южная Корея, страны Юго-Восточной Азии совершили чрезвычайно мощный рывок в экономическом развитии, что сделало их конкурентоспособными в системе международных отношений. Темпы роста развивающихся стран оказались значительно выше, чем развитых. Большинство государств, показывающих устойчивые темпы роста выше среднемировых за последние четверть века, относится к Востоку. Диверсификация экономического роста ведет к сокращению удельного веса развитых стран, в том числе США, в мировом производстве и к постепенной смене лидерства в мировом производстве. В социально-культурном отношении (ценности и нормы, образ жизни, стереотипы поведения и т.д.) был сделан поворот в сторону традиций. Во многих странах, преимущественно

исламских, постепенно ограничивалось влияние западной идеологии и массовой культуры. Здесь решили частично вернуться к традиционным моделям устройства общества, и это закономерно повлияло на деятельность государственных структур и содержание совместной жизни простых людей. В постбиполярном мире, несмотря на все широковещательные заявления о «наступлении демократии», становятся отчетливо заметными отличия моделей Запада и Востока, включая страны, добившиеся наибольших успехов. При этом если уже в биполярный период началось разновекторное развитие стран Востока, то в постбиполярный период эта зона стала отличаться особой гетерогенностью.

В результате изучения изложенного в учебнике материала студент должен **знать**

- исторический путь различных регионов (Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Центральная Азия, Средний и Ближний Восток, Африка) и разновекторность развития различных стран;
- базовые понятия и основные термины курса;
- конкретные факты исторического процесса на Востоке в послевоенный период;
- методологию междисциплинарного исследования стран и регионов мира;
- основные методы исторического исследования развития Азии и Африки;
- концепции различных историографических школ по историческому пути Востока;
- базовые основы политической организации общества;
- основные направления внешней политики государств Азии и Африки и историю их взаимоотношений с Россией;
- закономерности исторического процесса на Востоке;
- основную направленность и перспективы глобальных политических процессов, а также их возможные последствия для России;
- базовые современные тенденции мирополитического развития;
- правовые основы международного взаимодействия и их воздействие на внешнюю политику стран Востока;
- основы регулирования международных конфликтов с использованием дипломатических, политико-психологических, социально-экономических и силовых;
- экономические, экологические, демографические и миграционные процессы в Азии и Африке;

уметь

- объяснять социальное, экономическое, политическое и культурно-цивилизационное измерение исторических процессов на Востоке;
- выделять общее, особенное и единичное в политическом и экономическом развитии стран Азии и Африки;
- понимать изменение роли и места Востока в мировой системе — в биполярный и постбиполярный периоды;
- в академическом ключе показать сходство и (или) различие стран и регионов Азии и Африки с точки зрения направленности развития;

- искать и систематизировать найденный материал по изучаемым проблемам;
- использовать базовое знание теории и методологии междисциплинарного исследования стран Востока;
- идентифицировать различные подходы основных мировых научных школ к историческому процессу в Азии и Африке;
- проводить самостоятельное исследование по тематике курса и обладать прочными навыками написания эссе и рефератов;
- системно мыслить, обобщать, анализировать и воспринимать информацию об историческом пути Востока;
- выявлять международно-политические и дипломатические смыслы проблем, возникающих в афро-азиатском мире;
- практически применять новые знания, полученные по истории Востока;
- анализировать социально значимые проблемы и процессы в Азии и Африке;
- толерантно воспринимать социальные и культурные различия между Севером и Югом;
- находить нестандартную интерпретацию информации по историческому пути стран Востока;
- работать с материалами СМИ, составлять обзоры прессы по заданным темам, находить, собирать и обобщать фактический материал, делая обоснованные выводы в отношении развития стран Востока;
- применять системный подход к решению академических и прикладных задач;
- отказываться от европоцентристских стандартов;
- использовать культурно-цивилизационные особенности стран Востока;
- готовить обзоры научной литературы и электронных информационно-образовательных ресурсов по истории Востока;

владеть

- системой взглядов на ключевые проблемы современных дискуссий по путям развития Востока;
- стремлением к совершенствованию общества на принципах гуманизма, свободы и демократии и неприятию двойных стандартов;
- основами и базовыми навыками академического и прикладного анализа международной ситуации в странах Азии и Африки;
- информацией о политической и правовой специфике положения регионов стран Востока в отношениях между государствами.

Глава 6

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

6.1. Бывшие советские среднеазиатские республики

6.1.1. Политическое устройство государств бывшей Средней Азии

После развала СССР и образования независимых государств в Центральной Азии в них не получили особого развития демократические институты. Практически во всех странах существуют *авторитарные* и *авторитарно-тоталитарные режимы*. Участие населения в политической жизни можно назвать «иллюзорным»: в условиях псевдодемократической риторики и наличия определенных демократических институтов население формально участвует в политическом процессе, но не оказывает на него никакого воздействия. Постсоветские конституции среднеазиатских стран декларируют сходные постулаты. Они провозглашают республики суверенными, демократическими, светскими и правовыми государствами с президентской формой правления. Декларированы различные демократические права, но все эти принципы являются чисто декларативными, как и объявленный принцип разделения властей на самостоятельно действующие законодательную, исполнительную и судебную.

Президент обладает основной властью. Во всех среднеазиатских странах, кроме Кыргызстана, он является высшим должностным лицом. В Казахстане и Таджикистане президент объявлен главой государства, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства, в Узбекистане и Туркменистане — главой государства и исполнительной власти (в Туркменистане он является одновременно председателем кабинета министров). Именно президент обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти. Он является верховным главнокомандующим, назначает и смещает высший командный состав вооруженных сил, в случае агрессии или непосредственной внешней угрозы стране объявляет состояние войны (Узбекистан), вводит военное положение и объявляет мобилизацию (Казахстан и Таджикистан). Важнейшим полномочием президента является право вводить на всей территории республики и в отдельных ее местностях чрезвычайное положение. Он контролирует всю вертикаль исполнительной власти. Президент может отменять или приостанавливать действия актов органов исполнительной власти любого уровня. Контроль над судебной властью он получает благодаря системе назначений. В Казахстане именно президент назначает председателя и двух членов Конституционного совета, а также председателя и членов Высшего судебного совета, который и предлагает кандидатуры

председателя и судей Верховного суда. В Узбекистане президент представляет парламенту кандидатуры для избрания и отзыва председателя и членов Конституционного суда, Верховного суда и Высшего экономического суда, назначает и освобождает от должности судей областных, районных, городских и хозяйственных судов. В Таджикистане президент формирует Совет юстиции, по представлению которого он назначает и освобождает судей военных судов, суда Горно-Бадахшанской автономной области, других областей, города Душанбе, городских и районных судов и судей экономических судов Горно-Бадахшанской автономной области, областей города Душанбе. В Туркменистане все судьи назначаются единолично президентом, а Конституция страны гарантирует, что «все судьи независимы, они подчиняются только закону и руководствуются внутренним убеждением».

Возникновение сильной президентской власти обусловлено как *экономическими факторами* (необходимостью радикальной реорганизации промышленности, преодоления разрыва между традиционным и современным секторами в агросфере и т.д.), так и *потребностями национальной элиты* в консолидации, проведении приватизации и закреплении тем самым своего влияния в условиях новой модели общественного развития. Необходимо учитывать длительное и устойчивое существование в регионе «коллективистского» вектора развития, как и везде на традиционном Востоке (в отличие от Запада, с его ориентацией на индивидуализм). По существу, можно говорить о режимах личной власти в государствах региона.

Биографии президентов стран Центральной Азии достаточно схожи. Н. А. Назарбаев, бывший член Политбюро ЦК КПСС, стал президентом Казахстана в 1990 г. (избран в 1991 г.), в 1999 г. был переизбран на второй срок на семь лет (80% голосов). На президентских выборах, проведенных в декабре 2005 г., Назарбаев набрал уже 91,1% голосов, а на внеочередных выборах 2011 г. — более 95%.

С. А. Ниязов, бывший член ЦК КПСС, был избран президентом в 1990 г., в 1992 г. переизбран (на безальтернативной основе, получил 99,5% голосов). «По просьбе народа» было принято решение о пожизненном президентстве С. Ниязова. В 2003 г. было обнародовано постановление туркменского парламента «Об избрании пожизненного президента нейтрального Туркменистана великого Сапармурата Туркменбаши пожизненным председателем **Халк Маслахаты (Народного совета)**». Таким образом, если Ниязов, под давлением международной общественности, был бы вынужден покинуть свой пост, то ему легко было бы изменить политическую систему и ввести некое подобие «Вестминстерской модели». Можно предположить, что с этим сценарием было связано и заявление Ниязова, сделанное в 2005 г., о возможности проведения в стране уже в 2009 г. президентских выборов и о необходимости создания многопартийной системы. В декабре 2006 г. С. А. Ниязов умер, и его преемником стал Г. М. Бердымухамедов, который на выборах 2007 г. получил 89,2% голосов (представители ОБСЕ назвали президентские выборы «фарсом» и «спектаклем»). На выборах 2012 г. он набрал уже 97,1% голосов (при явке более 96%).

И. А. Каримов, бывший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, был избран президентом в 1990 г., переизбран на второй срок в 2000 г.

(получил почти 92% голосов). На президентских выборах 2007 г. Каримов получил 88,1% голосов (его основной оппонент Аслиддин Рустамов от **Народно-демократической партии Узбекистана** получил 3,2% голосов), а на выборах в 2015 г. — 90,4%.

Президент Таджикистана, бывший директор совхоза Э. Ш. Рахмонов в 1992 г. был избран председателем парламента Таджикистана (институт президентства был упразднен). После окончания гражданской войны и возвращения Таджикистана к президентской форме правления Рахмонов был избран президентом (1994). В сентябре 1999 г. был продлен срок президентских полномочий до семи лет, а на выборах 2006 г. Рахмонов получил 79,3% голосов, его основной оппонент, бывший ректор Института экономики республики, председатель **Партии экономических реформ** О. Бобоев — 6,2% (к чести президента Таджикистана, он в 2009 г. назначил своего соперника министром транспорта Таджикистана). С 2006 г. Рахмонов получил право оставаться на своем посту еще 2 срока по 7 лет. В 2013 г., после недопущения к президентским выборам основного оппозиционного кандидата О. Бобоназаровой и отказа **Партии исламского возрождения Таджикистана** и **Социал-демократической партии** от участия в голосовании, интрига исчезла, и Э. Ш. Рахмонов победил, набрав 83,9% голосов (вторым был кандидат от **Коммунистической партии Таджикистана** И. Талбаков — 5%).

Наиболее откровенно *акцентировали авторитаризм своих режимов* президенты Узбекистана и Туркменистана. В Узбекистане совершенно открыто ориентируются на модель предоставления населению минимальных политических прав при больших экономических (хотя степень экономической свободы также очень низка). Авторитарные методы управления мешают активно развивать различные отрасли экономики. Однако сбалансированный курс властей пока сдерживает ширококомасштабные социальные волнения.

Бывший туркменский президент С. А. Ниязов (взвзавший себе титулы «отец всех туркмен» — Туркменбаши, «великий вождь» — Акбар Седар и «очеловеченный символ Туркменистана») установил культ собственной личности. Именем Ниязова в Туркменистана были названы города, улицы, заводы, самая высокая гора. В центре столицы была сооружена Арка нейтралитета, на вершине которой была размещена золотая статуя Ниязова, вращающаяся так, чтобы всегда быть лицом к солнцу, а общее число памятников президенту приблизилось к 15 тысячам. В учебных заведениях, включая ясли, день начинался с клятвы детей на верность Туркменбаши. Президент пять раз получил звание Героя Туркменистана. Его работа «Рухнама» изучалась как отдельный предмет в школах и институтах, и ее знание было необходимо при любой профессиональной аттестации, включая сдачу на водительские права. Были переименованы дни недели и месяцы, в том числе и в честь родственников президента. На первой странице любой газеты обязательно должен был печататься портрет президента.

С. А. Ниязов отвергал во имя «стабильности» любые претензии на политические свободы. Парламентские выборы осуществлялись здесь на безальтернативной основе. Именно *режим личной власти* и установление *восточ-*

ной деспотии в Туркменистане самым негативным образом сказались как на экономике, так и на положении жителей республики. Катастрофическая ситуация сложилась в культурной сфере. Были закрыты все творческие союзы, Академия наук. Был запрещен ввоз в страну любой иностранной литературы, в том числе газет и журналов. Была прекращена трансляция российских телевидения и радио. Спутниковое и кабельное телевидение были запрещены, а доступ в Интернет ограничен. В 2005 г. были закрыты библиотеки, поскольку, по словам президента, туда «все равно никто не ходит». Сносились здания театров (например, Русского театра), были упразднены балет, опера, цирк, киностудия, все нетуркменские культурные организации. Происходило самое резкое снижение уровня образования (в школе учились 9 лет, в вузах — два года). В 2004 г. были уволены практически все медицинские сотрудники среднего звена — 15 тысяч человек (врачи должны были выполнять их работу). Можно было говорить о деградации, пауперизации и люмпенизации туркменского общества.

Преемник Ниязова Г. М. Бердымухамедов отменил наиболее одиозные указы своего предшественника, что дало основание США и ЕС провозгласить нового президента либералом и заявить о демократизации Туркменистана. К сожалению, до сих пор в республике не произошли радикальные изменения авторитарно-тоталитарной политической модели. Новый президент получил титул «Аркадаг» (покровитель) на военном параде в 2010 г., когда военнослужащие встали перед ним на колени (к сожалению, не удалось поставить на колени ахалтекинського скакуна, который, как писала официальная пресса, лишь поклонился президенту). Бердымухамедов является победителем всех автогонок, в которых принимает участие. По-прежнему за сомнение в правильности курса главы государства можно получить 25 лет лишения свободы.

Роспуск парламента в Казахстане в марте 1995 г. и провозглашение Н. А. Назарбаева президентом до начала следующего века свидетельствовали, что данная республика также пошла по пути укрепления режима личной власти. Запад остался крайне недоволен «недемократичностью» президентских выборов в 1999 г. (по просьбе парламента они были перенесены с 2000 г.), и его представители даже не прибыли на инаугурацию Назарбаева. Лидеру оппозиции А. Кажегельдину было отказано в регистрации в качестве кандидата в президента. Был осужден и приговорен к тюремному заключению и лидер оппозиционного движения «**Демократический выбор Казахстана**» — Г. Жакиянов. В 2003 г. в ежегодном послании народу Н. А. Назарбаев объявил о своем стремлении к либерализации системы государственной власти, однако реальных политических реформ не было.

Кыргызстан долгое время давал единственный пример попытки двигаться в направлении создания гражданского общества, с реформами, направленными на становление рыночных отношений, с отсутствием национальной дискриминации (по крайней мере, на официальном уровне). Особую роль играла личность А. А. Акаева, который стал президентом республики в 1990 г., выигрывал выборы в 1991, 1995 и в 2000 гг. (в последнем году он получил 74% голосов).

К сожалению, уже к середине 1990-х гг. наметилось углубление конфликта между северной (более модернизированной) и южной (более традиционной) частями республики (в последней местная элита все чаще начала бросать открытый вызов властям, и многие ее представители, отстраненные от власти, вновь начали к ней возвращаться). А. А. Акаев в целях смягчения подобного противостояния к концу 1990-х гг. увеличил представительство южан в первом эшелоне власти (на юге проживает более половины населения республики). В республике также стали рассматривать вопрос о переносе столицы из Бишкека в южную часть Кыргызстана, что позволит укрепить контроль властей за южными территориями. Весной 2002 г. здесь произошло вооруженное столкновение демонстрантов с полицией, в ходе которого погибло несколько человек (после этого события со своего поста был снят премьер-министр К. С. Бакиев).

Кыргызстан стал отходить от процесса демократизации. Начались преследования оппозиционеров: бывший вице-президент, председатель оппозиционной партии «**Ар-Намыс**» («**Достоинство**») Ф. Ш. Кулов и лидер партии «**Эркиндик**» («**Свобода**») Т. Т. Тургуналиев были арестованы. В 2005 г. в стране произошла «**тюльпановая революция**». Сообщения о фальсификации парламентских выборов вызвали массовые протесты на юге республики, постепенно перекинувшиеся в Бишкек. Акаев отказался применять силу и покинул Кыргызстан. В результате проведенных досрочных выборов в 2005 г. президентом был избран К. С. Бакиев, набравший 88,6% голосов (его главный оппонент — лидер **Социал-демократической партии Кыргызстана** А. Ш. Атамбаев получил 8,4%). Это, однако, не привело к нормализации ситуации, и против новой власти сразу начались массовые протесты, которые особо усилились после победы Бакиева на президентских выборах 2009 г., прошедших с массовыми нарушениями. В апреле 2010 г. началось уже вооруженное сопротивление. Бакиев бежал сначала на юг — в Ош, а потом — за границу. Было сформировано **Временное правительство народного доверия**, которое возглавила бывший министр иностранных дел Р. И. Отунбаева. Революция привела к массовому мародерству и началу крупнейших столкновений между киргизами и узбеками на юге республики, в ходе которых погибли тысячи человек. На июньском референдуме были одобрены реформы, в результате которых страна из президентской республики становилась парламентской (правда, скорее, де-юре, чем де-факто). На парламентских выборах 2010 г. пять партий набрали от 10 до 16% голосов (от 18 до 28 мест в парламенте, состоящем из 120 депутатов). В октябре 2011 г. президентом был выбран А. Ш. Атамбаев, получивший почти две трети голосов. Свой первый официальный визит бывший предприниматель, сохранивший свой бизнес в Турции, нанес именно в эту страну, где предложил построить «**Великий тюркский Каганат**». От России новый лидер сразу потребовал оплаты в 15 миллионов долларов за размещение базы в Канте, «забыв», что по официальному соглашению РФ не обязана оплачивать базу, что государственный долг Кыргызстана России составляет полмиллиарда долларов и что основной источник доходов страны — перечисления от трудовых мигрантов в РФ. Правда, было объявлено о стремлении Кыргызстана вступить в Таможенный Союз и Единое экономическое пространство.

В декабре 2011 г. премьер-министром стал О. Т. Бабанов, лидер партии **«Республика»**, с сентября 2012 г. этот пост получил Ж. Ж. Сатыбалдиев, выходец с юга, занимавший до назначения должность руководителя аппарата президента. Его сменил в марте 2014 г. Д. К. Оторбаев, а в мае 2015 г. премьер-министром стал Т. А. Сариев, бывший министром финансов. На парламентских выборах, проведенных в октябре 2015 г., победу одержала президентская **Социал-демократическая партия Киргизии**, но ей досталось лишь 26,8% мандатов, что вынуждает ее создать коалицию с какими-либо другими партиями, прошедшими в парламент (**«Ата Журт» («Родина»)**, **«Кыргызстан»**, **«Онугуу-Прогресс»**, **«Бир-Бол» («Будьте вместе»)** и **«Ата-Мекен» («Отечество»)**) получили соответственно 21,12%, 12,42%, 9,1%, 8,5% и 7,7%).

В Кыргызстане *отсутствует стабильность*, существуют многочисленные *этнические и межтерриториальные противоречия*, что, по всей видимости, вызовет новый виток напряженности. Регулярно вспыхивают новые волнения, криминал откровенно рвется во власть, существует реальная опасность победы охлократии. Коррупция и кумовство расцвели пышным цветом. В республике стали происходить избиения и убийства независимых журналистов, а также странные смерти политических деятелей.

Это важно!

На место «лидера демократизации» в Центральной Азии выдвинулся Казахстан.

В последнее время стало заметно, что лидеры постсоветских республик стали крайне настороженно относиться к своему ближайшему окружению, что привело к репрессиям против многих высших руководителей. Бывший премьер-министр Казахстана А. М. Кажегельдин бежал из страны. В Казахстане он был заочно приговорен к 10 годам заключения, и казахстанские власти пытались добиться его выдачи сначала от России, а потом от США, куда он выехал. Бывший вице-премьер правительства Туркменистана Б. О. Шихмурадов был осужден на 25 лет «за подготовку государственного переворота» (вечером в день оглашения приговора срок поменяли на пожизненное заключение) и сейчас находится в тюрьме. Другому экс-вице-премьеру — Х. А. Оразову — удалось эмигрировать в Европу, где он стал лидером объединенной оппозиции в эмиграции. На 15 лет тюрьмы был осужден главный *муфтий* страны Насрулла. 25 лет заключения получил председатель Комитета национальной безопасности М. Назаров, а его заместитель Х. Какаев погиб в заключении. Зато значительно укрепились позиции членов семей президентов.

По существу, только в Казахстане и в Кыргызстане определенную роль играет законодательная ветвь власти. Так, в 2003 г. потерял свой пост премьер-министр Казахстана И. Н. Тасмагамбетов (в котором видели преемника Н. А. Назарбаева), во многом из-за того, что ему не удалось найти общий язык с парламентом.

Ограничений на деятельность оппозиционных партий долгое время не было только в Кыргызстане, где действуют десятки партий. Перед парламентскими выборами 1999 г. в Казахстане, помимо партии Назарбаева

«Отчизна», были зарегистрированы три оппозиционные организации: **Республиканская народная партия** (возглавляемая бывшим премьер-министром А. М. Кажегельдином, считавшимся наиболее опасным конкурентом президента), «**Прогресс**» и «**За честные выборы**», а также **Коммунистическая партия**. По мнению западных наблюдателей, власти всячески препятствовали деятельности оппозиционных организаций и преследовали активистов. По новому закону о партийной деятельности (принят в июле 2002 г.), было зарегистрировано семь партий. Основные оппозиционные партии в этот список не вошли. На парламентских выборах 2004 г. в Казахстане было зарегистрировано уже 12 партий. Из 77 мест большинство досталось «Отчизне» (42 места). Блок АИСТ (**Аграрная партия Казахстана — Гражданская партия Казахстана**) получил 11 мест, **Республиканская политическая партия Асар («Всем миром»)**, возглавляемая старшей дочерью Н. А. Назарбаева Даригой — 4, **Демократическая партия «Ак Жол» («Светлый путь»)** — 1, **Демократическая партия Казахстана** — 1 (партия отказалась от этого места, заявив о фальсификации выборов), независимые кандидаты (в большинстве связанные с государственными организациями) — 18.

На досрочных выборах в августе 2007 г. приняли участие семь политических партий, но по итогам выборов по партийному списку в **Мажилис** прошли только представители пропрезидентской партии «**Нур Отан**» (была образована в 2006 г. путем слияния партий «Отчизна» и «Асар», а вскоре в партию влились **Гражданская партия Казахстана** и **Аграрная партия Казахстана**), набравшей, по данным ЦИК, 88,1% голосов избирателей при явке избирателей 64,56%. На внеочередных парламентских выборах 2012 г. из 7 партий прошли три: «**Нур Отан**» (81% голосов и 83 мандата), **Демократическая партия Казахстана «Ак Жол»** и **Коммунистическая народная партия Казахстана** (более 7% голосов, мандатов — соответственно 8 и 7).

В других республиках Центральной Азии существует больше ограничений на партийную деятельность. Еще в начале 1990-х гг. в Узбекистане было отказано в регистрации партии «**Бирлик**» («**Единство**») и **Демократической партии «Эрк»**, представлявших реальную оппозицию. При этом президентские структуры не мешали, а даже поддерживали создание квазипартий, имитируя наличие партийной оппозиции. Согласно закону о политических партиях, принятому в декабре 1996 г., в Узбекистане была разрешена деятельность только **Национальной Демократической партии** (НДПУ; президент И. А. Каримов вышел из ее состава в 1996 г., чтобы подчеркнуть свой надпартийный статус), «**Прогресса Отечества**», **Социал-демократической партии «Справедливость»** и «**Национального возрождения**». Все организации полностью поддерживают президента страны. В 1998 г. была зарегистрирована новая организация — «**Самоотверженные**», чья платформа мало отличалась от НДПУ. В ходе опроса жителей Ташкента в 1999 г. выяснилось, что 60% респондентов не смогли назвать хотя бы три партии республики. На парламентских выборах 1999 г. НДПУ из 250 мест получила 48, «Самоотверженные» — 34, «Прогресс Отечества» — 20, «Справедливость» — 11, «Национальное возрождение» — 10.

В 2003 г. Каримов выступил с критикой существовавших партий, обвинив их в аморфности и безликости. Осенью того же года появилась новая организация — **Либерально-демократическая партия Узбекистана (ЛДПУ)**, которая объявила, что привлечет к участию в политической жизни «передовых» предпринимателей. В партию насильно стали записывать сотрудников государственных учреждений. Новый фаворит выиграл парламентские выборы, проведенные в декабре 2004 — январе 2005 г., и получил 41 из уже только 120 мест. Прежнему лидеру, НДПУ, досталось 32 места, «Самотверженным», которые объединились с «Прогрессом Отечества», — 17, «Демократическому национальному возрождению» — 11, а «Справедливости» — 9. Остальными парламентариями стали представители общественных организаций и местных органов управления.

На выборах, проведенных в декабре 2009 — январе 2010 г., естественно, приняли участие лишь разрешенные и поддерживающие президента 4 политические партии — ЛДПУ, НДПУ, «Национальное возрождение» и «Справедливость». Все получили места в парламенте: ЛДПУ досталось 53 места, НДПУ — 32 места, «Национальному возрождению» — 31, «Справедливости» — 19. На последних выборах (декабрь 2014 г. — январь 2015 г.) к ЛДПУ (52 места), «Национальному возрождению» (36), НДПУ (27), «Справедливости» (20) добавилась новая партия — **Экологическое движение Узбекистана**, которой отошло 15 мандатов.

Во главе официальной партии Туркменистана — **Демократической партии** — находился президент (первоначально — С. Ниязов, а потом — Г. Бердымухамедов). В 2013 г., правда, последний вышел из партии, руководствуясь примером Узбекистана. Оппозиционные партии запрещены и действуют за границей. Туркменские спецслужбы арестовывают политических оппонентов даже в Москве. Выборы в туркменский парламент (меджлис) при правлении Ниязова в декабре 2004 г. стали первыми выборами, проведенными без международных наблюдателей. Все 50 победителей, принадлежавших к Демократической партии, заранее получили поддержку президента Ниязова. Ничего не изменилось и на выборах в декабре 2008 г. Кандидатуры всех победителей (из Демократической партии и общественных организаций) были заранее одобрены президентом.

В 2012 г. произошла формальная демократизация, и было объявлено о создании второй легальной партии — **Партии промышленников и предпринимателей Туркменистана**. На парламентских выборах 2013 г. она получила 14 мест в Национальной ассамблее. Демократической партии досталось 47 мандатов, **Организации профсоюзов Туркменистана** — 33, **Союзу женщин Туркменистана** — 16, **Молодежной организации** — 8.

В Таджикистане основной партией является **Народно-демократическая партия** (НДПТ; президент Э. Рахмонов вошел в нее в марте 1998 г., а в апреле был избран ее председателем), созданная по образцу КПСС. На парламентских выборах она получила 65% мест. Второе место заняла **Коммунистическая партия Таджикистана** (20% мест), третья, с 7,5% мест, — **Партия Исламского Возрождения Таджикистана** (ранее — **Движение исламского возрождения**). Эта партия, как и **Партия политического и экономического обновления**, **Демократическая партия**, «Лали

Бадахшон», «Растохез», входили ранее в Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО).

На парламентских выборах 2005 г. НДПТ получила 74,9% голосов избирателей и завоевала 51 место (из 63). Второе-третье места вновь заняли КПТ (5 мест и 13,6% голосов) и ПИВТ (2 места и 8,9% голосов). В 2010 г. НДПТ досталось 54 мандата (из 63), по 2 получили КПТ, ПИВТ, **Аграрная партия Таджикистана** и **Партия экономических реформ** (независимые кандидаты получили одно место). На парламентских выборах 2015 г. НДПТ получила 55 мандатов, Аграрная партия Таджикистана — 5, Партия экономических реформ — 3, КПТ — 2, **Социалистическая партия Таджикистана** и Демократическая партия Таджикистана — по 1. ПИВТ вообще не получила мест в парламенте, а в сентябре она была официально запрещена. Таджикская оппозиция и представители международных организаций заявляют о многочисленных грубых нарушениях в ходе выборов.

Важно запомнить!

В реальной практике фактически лишь позиции самой элиты определяют политический курс. «Конструкция» элиты Центральной Азии отличается большим своеобразием: она имеет «пирамидальную» форму; ее доля в населении выше, чем в «европейских» республиках бывшего СССР; она, с одной стороны, намного более диверсифицирована, с другой — опирается на патриархально-клановую систему (в Узбекистане — в меньшей степени). В результате в Центральной Азии элита представляет единое целое — от руководства страны до мелкого начальника на местах — и смена ее подразумевает полное изменение состава руководящих работников на всех уровнях.

В Узбекистане президент И. Каримов смог добиться паритета ведущих клановых сил (так, полностью отстраненные от власти в советское время представители «рашидовского» клана были возвращены им на важные посты) и проводит регулярную перетасовку кадров из различных регионов республики, что позволяет, с одной стороны, добиваться стабильности общества, а с другой — укреплять позиции самого президента. Следует учитывать также, что в Узбекистане значительно сильнее, чем в других республиках, размыта родоплеменная и клановая структура.

В Казахстане существует довольно значительный дисбаланс: до 85% госаппарата и членов Верховного Совета Казахстана являются выходцами из южного («старшего») жуза (рода), из которого вышли и бывший первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев, и нынешний президент страны Н. Назарбаев. В подавляющем большинстве окружение последнего также принадлежит к старшему роду, тогда как практически вся оппозиция является выходцами из младшего и среднего жуза. Дело дошло до того, что в анкетах официально стала появляться графа «жуз».

6.1.2. Гражданская война в Таджикистане

Отказ от учета клановых интересов ведет в Центральной Азии к весьма тяжелым последствиям, что наглядно продемонстрировал пример Таджикистана. В течение практически всего советского периода в республике у власти находился «ходжентский» клан, представляющий северные рай-

оны. Сюда вкладывались основные инвестиции, что привело к тому, что Ленинабадская (Согдианская) область со столицей в Ходженге (бывший Ленинабад) является наиболее развитым районом Таджикистана. В руках «гармского» клана (области к востоку и западу от Душанбе, Вахшская долина) были торговля и силовые структуры, «бадахшанского» (Горно-Бадахшанская автономная область) — культура, образование и наука. «Кулябский» клан (бывшая Кулябская область) контролировал преступный мир. Осенью 1991 г. в Таджикистане прошли выборы, вновь принесшие победу ходжентцам, которые взяли в союзники кулябцев. Уже в мае 1992 г. начались выступления против властей исламско-демократической ОТО, объединявшей остальные кланы. В декабре началась настоящая гражданская война, приведшая к гибели более 100 тыс. человек за несколько месяцев. Решающую роль в победе ходженто-кулябских сил и взятии Душанбе (декабрь 1992 г.) и Гарма (февраль 1993 г.), оплота оппозиции, сыграли добровольцы и военнослужащие Узбекистана. Принимая решение об участии своих войск в гражданской войне в Таджикистане, Ташкент руководствовался опасениями роста религиозного радикализма в Центральной Азии (и того, что таджикская оппозиция принесет воинствующие исламские идеи в Узбекистан). Его резкое недовольство также было вызвано бегством узбеков из Таджикистана (они составляли две пятых населения Ленинабадской области) и усилением борьбы таджиков Узбекистана за воссоединение с Таджикистаном.

Однако после объявления независимости республики ленинабадская элита оказалась отстраненной от власти. В ходе гражданской войны она сыграла важную роль в победе Э. Рахмонова. Однако клан так и не получил ключевых постов в новом правительстве, что привело к росту напряженности в области и плавному переходу значительной части населения в оппозицию к Центру. В свою очередь, уже к концу 1993 г. Душанбе взял область под свой контроль. В декабре представители ходжентского клана предприняли неудачную попытку сместить Э. Рахмонова с поста председателя Верховного Совета и вновь ввести должность президента (впоследствии Э. Рахмонов согласился на последнее предложение и победил на президентских выборах в ноябре 1994 г.). Лидеры ленинабадской элиты в результате ответных действий лишились постов даже в своей области. А. А. Абдулладжонов, лидер ходжентского клана, был вынужден эмигрировать сначала в Россию, а затем — в Узбекистан. Постепенно кулябцы получили все основные посты в стране, включая и Ленинабадскую область. Земляки Э. Рахмонова в 1996 г. возглавляли 13 из 18 министерств, в том числе все силовые и хозяйственно-финансовые. Уже в начале того года «проузбекские» силы Таджикистана (к которым относят население Ленинабадской области, узбеков и «обузбеченных» таджиков — например, локай) создали военное объединение и организовали бунт против засилья кулябцев. В мае в самом Ходженге начались волнения, перекинувшиеся на второй по величине город области Ура-Тюбе. Душанбе пришлось удовлетворить требование митингующих снять кулябцев с руководящих постов в области.

В декабре 1996 г. в Москве Э. Рахмонов и лидер ОТО С. А. Нури подписали соглашение об установлении мира и национального согласия в Тад-

жикистане, согласно которому 30% мест во всех руководящих органах власти отдавалось ОТО. Лидеры оппозиции постепенно интегрировались в структуру власти. Зато ходжентский клан опять не получил никаких постов. В результате в области вновь несколько раз происходили вооруженные столкновения с президентскими войсками. Особенно ожесточенный характер они имели в ноябре 1998 г., когда вооруженные отряды «ходжентцев» проникли в Ленинадскую область с территории Узбекистана. Главным требованием было предоставление выходцам из области 40% мест в центральных руководящих органах. Мятеж был подавлен, но напряженность сохраняется.

6.1.3. Деятельность исламистов

Еще большую опасность для центральноазиатских властей представляет распространение исламского радикализма. В начале 1990-х гг. поиск единой национальной идеологии в местных условиях привел к *возрастанию роли ислама*. В апреле 1992 г. И. Каримов совершил *хадж* (паломничество) в Саудовскую Аравию (его примеру последовали и другие центральноазиатские руководители). В Таджикистане было 17 официально существовавших мечетей. Как только были сняты запреты, их число быстро увеличилось до 2000. В Узбекистане в каждом кишлаке и в каждой городской махалле (микрорайоне) появилась мечеть. В одном Намангане их число составило 1300. За три года в Туркменистане количество мечетей увеличилось с 16 до 163. Меньший рост религиозного самосознания происходил в Казахстане и Северном Кыргызстане. Отношение северных киргизов к религии характеризует тот факт, что 90% прихожан мечетей в Бишкеке — узбеки, хотя они составляют 1,5% жителей столицы, а Коран был переведен на казахский язык лишь в 1992 г. Правда, исламские организации Казахстана активизировали свою деятельность в последнее время (в некоторых из них преобладают чеченцы и уйгуры).

Исламизация объективно выталкивала наверх слои, которые выступают против местной элиты, сложившейся еще в советский период. Резко активизировали свою деятельность исламисты в Бухаре, Самарканде, Ферганской долине, где их организации практически сразу стали действовать и как политические организации. В Намангане местные имамы создали «исламское ополчение». Именно в этом городе базировалась партия «**Адолат**» («**Справедливость**»), сходная с «**Братьями-мусульманами**» («*Аль-Ихван аль-Муслимун*»). В декабре 1991 г. партия организовала массовые митинги и демонстрации, в ходе которых, в частности, критиковалась кадровая политика Центра. В ходе посещения Намангана И. Каримов убедился, что «**Адолат**» контролировал всю обстановку в городе, а центральная власть не имела никакого авторитета. Интересно отметить, что известный чеченский террорист С. Радугев обучался именно в Намангане в тот период. Активно действовала и радикальная **Исламская партия возрождения**, создавшая свои филиалы в Узбекистане и Таджикистане. Мусульманские радикалы Казахстана пытались спровоцировать беспорядки в Алма-Ате (Алматы). *Ваххабизм* (который представляет позднюю редакцию *ханбализма*, наиболее жесткого *мазхаба*, отстаивающего абсолютно буквальное

понимание канонов) стал теснить *ханафитское течение* (весьма мягкое), существующее в Центральной Азии 13 веков (70% мусульман мира придерживаются именно его).

Осознание угрозы собственным интересам вынудило местную элиту проводить выборочную политику, поддерживая умеренных исламистов и сдерживая и даже подавляя экстремистские силы. Согласно Конституции Узбекистана, принятой в декабре 1992 г., в республике было запрещено создание религиозных организаций, проповедующих религиозную вражду, а также военизированных объединений и политических партий, образованных по религиозному признаку.

В Узбекистане и Таджикистане была запрещена Исламская партия возрождения (большая часть ее сторонников в Таджикистане ушла в Афганистан). В 1999 г. деятельность партии в Таджикистане была вновь легализована, а в Узбекистане она находится в глубоком подполье. В последнем была запрещена и деятельность партии «Адолат» (часть ее членов была арестована, а часть — эмигрировала) и базирующейся в Коканде партии **«Человечность и милосердие»**. Началась депортация из Узбекистана десятков священнослужителей из Саудовской Аравии, которые были особенно активны в Ферганской долине. По данным Министерства внутренних дел Узбекистана, именно саудовские миссионеры принесли в Ферганскую долину ваххабизм, и в 1990-х гг. после специальной обработки (включавшей подкуп, подарки, распространение пропагандистской литературы, применение методики вовлечения молодежи в тоталитарные секты) от 5 до 10% ее жителей стали придерживаться этого направления. После начала борьбы местных властей с ваххабитами саудовские миссионеры превратили в свой центр Ошскую область Кыргызстана и Шымкентскую (Чимкентскую) область Казахстана, откуда литература и деньги продолжали направляться в Узбекистан.

Мусульманские экстремисты вновь активизировали свою деятельность в Ферганской долине в 1997 г. В Намангане ими была совершена серия убийств милиционеров и представителей администрации. В город были введены внутренние войска, прошли массовые аресты. Весной 1998 г. начались процессы по делам радикалов, которые обвинялись в ведении религиозной пропаганды, попытках подрыва конституционного строя, хранения и ношении огнестрельного оружия. Большинство обвиняемых ранее выезжали в Саудовскую Аравию или прошли специальную подготовку в Пакистане, Афганистане и Таджикистане. Одновременно в Узбекистане был принят новый Закон **«О свободе совести и религиозных организациях»**, жестко ограничивавший возможность легального распространения идей радикального ислама, требовавший официальной регистрации мечетей (в Намангане, например, 60% храмов не были нигде зарегистрированы) и религиозных организаций. После проверки регистрации в Узбекистане число мечетей сократилось более чем в 2 раза.

Преследуемые Ташкентом исламские радикалы нашли убежище в приграничных с республикой областях Кыргызстана и Таджикистана. В ответ на это Узбекистан закрыл границу с Таджикистаном, а на территории Кыргызстана узбекские спецслужбы начали арестовывать исламистов.

Эти спецслужбы получили здесь право проводить видеосъемки в мечетях, обыскивать и допрашивать даже граждан Кыргызстана (а некоторые из них были арестованы и вывезены в Узбекистан). Позиция Бишкека, не выражавшего протестов, понятна: на юге страны в последнее время также резко активизировались исламские радикалы. Еще весной 1998 г. после разоблачения подпольной группы представителей мусульманских государств, которая переправляла в свои страны несовершеннолетних граждан республики для подготовки их в качестве религиозных боевиков, было объявлено, что вся деятельность ваххабитов будет пресекаться.

В феврале 1999 г. экстремисты осуществили террористический акт в Ташкенте. От взрывов бомб погибли 16 человек, более 120 получили ранения. В ответ власти арестовали 2 тыс. человек. Некоторые члены партии «Эрк» были выданы Узбекистану Украиной. Более 40 человек было арестовано в Кыргызстане и Казахстане. Перед судом предстало 22 человека, непосредственно участвовавших в осуществлении террористического акта.

Действия узбекских исламистов летом 1999 г. привели к обострению ситуации уже во всей Центральной Азии. С 1992 г. сотни жителей Ферганской долины бежали из Узбекистана в Таджикистан, где присоединились к таджикской оппозиции. После февральских событий 1999 г. этот поток еще более усилился. Исламисты обосновались в Гармском районе, на границе с Кыргызстаном. Попытки таджикского правительства провести их депортацию не увенчались успехом, поскольку район контролировался ОТО. В августе 1999 г. отряды узбекских радикалов (среди которых находились и террористы из ряда других стран, в том числе бывшие бойцы ОТО) предприняли попытку прорваться в Узбекистан через территорию Кыргызстана. Операция была организована Исламским движением Узбекистана, созданным в 1996 г. и провозгласившим в качестве своей главной цели «создание исламского халифата на территории Ферганской долины». Боевики (по некоторым сведениям, до тысячи человек) были остановлены, но им удалось обосноваться в Баткенском и Чон-Алайском районах Кыргызстана. В заложники были захвачены сотни военнослужащих (включая командующего внутренними войсками республики) и мирных граждан (в том числе и японские геологи). Бишкек был вынужден обратиться за военной помощью к России и Узбекистану. Террористы были вытеснены в Таджикистан. В 2000 г. события вновь повторились, что вынудило элиту Кыргызстана еще более ужесточить отношение к исламским радикалам.

После начала операции США в Афганистане деятельность исламистов несколько ослабла. Так, во многом потеряло свое значение **Исламское движение Узбекистана (ИДУ)**, которое тесно связано с такими международными и региональными террористическими организациями, как «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (**Исламская партия освобождения**), «Братья-мусульмане» и др. Большая часть уцелевших боевиков укрылась в Пакистане. Однако, по заявлениям узбекских властей, ИДУ, также известное как **Исламское движение Туркестана**, наряду с другими международными террористическими и религиозно-экстремистскими организациями, с 2004 г. начало готовить новые террористические акты на территории Узбекистана. В мае 2009 г., по всей видимости, данной организа-

цией были совершены террористические акты в г. Ханабад и г. Андижан. Летом 2009 г. боевики данной организации были ликвидированы на юге Кыргызстана.

В новом веке особую активность в республике стал проявлять филиал партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», созданной в 1953 г., провозглашающей ислам своей идеологией и также ставящей цель создания исламского государства. Существенный рост влияния филиала происходил, несмотря на жестокие репрессии со стороны властей (только в 2000—2003 гг. около 4000 сторонников этой партии были осуждены в Узбекистане за распространение экстремистских идей). В отличие от Исламского движения Туркестана, партия объявила о «ненасильственном» *джихаде*, при этом ее деятельность прямо направлена против христиан и иудеев. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» активно действовала также в Таджикистане, в южном Кыргызстане и южном Казахстане (подавляющее большинство членов — этнические узбеки). Власти Таджикистана и Кыргызстана также предпринимали репрессивные меры против членов партии, но несравненно более мягкие, чем в Узбекистане.

Именно «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (наряду с Исламским движением Туркестана и религиозной организацией «Акрамия») была обвинена узбекскими властями в организации беспорядков в Андижане в 2005 г., в ходе подавления которых погибло, по официальным данным, почти 200 человек (по информации международных правозащитных организации их число значительно больше). В докладе международной комиссии по расследованию событий в Андижане (в ее состав вошли дипломаты Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России и стран Центральной Азии) отмечалось, что подготовка к терактам проводилась на юге Кыргызстана под руководством иностранных инструкторов (киргизские власти отрицают данную информацию). Западные СМИ и лидеры заявляют, что андижанские события были просто социальным протестом населения, однако в ходе их расследования выяснилось, что организаторы ставили задачу повторения беспорядков в Фергане, Самарканде и Ташкенте, а их конечной целью было создание исламского государства в Узбекистане. Бесспорно, социальные моменты (появление огромного слоя мало образованных молодых людей, не имеющих хорошо оплачиваемой постоянной работы) сыграли свою роль в андижанских событиях (как и в распространении идей радикального ислама в Центральной Азии).

С 2005 г. продолжается *дальнейший процесс укрепления позиций исламистских организаций* в регионе, и прежде всего «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Антиправительственные листовки, изготовленные членами движения, регулярно изымаются в Таджикистане. Более того, «Хизб ут-Тахрир» начала вести пропагандистскую деятельность в Северном Кыргызстане. Решением Верховного суда республики организация была признана незаконной как экстремистская (вне закона были поставлены также «Исламское движение Туркестана», «**Организация освобождения Туркестана**» и «**Восточно-туркестанская партия**», названные террористическими движениями). В последнее время «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» резко снизила террористическую деятельность, но, по всей видимости, речь

идет о накоплении сил. При этом организация периодически устраивает знаковые акции. Так, в октябре 2008 г. полторы тысячи ее участников даже захватили здание районной администрации в Ошской области Кыргызстана. В Таджикистане, по данным на начало 2010 г., сторонники этой партии задерживаются почти каждый месяц (а в тюрьмах они пропагандируют свою идеологию и вовлекают в свои ряды многих других заключенных).

Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) и другие исламские организации, входившие ранее в ОТО, резко активизировались в начале нового века, что свидетельствует о возможности радикалов укрепить свои позиции в Таджикистане. ПИВТ превратилась в светскую организацию, участвующую в национальных выборах, изменились подходы ее лидеров по поводу необходимости строительства в Таджикистане исламского государства, но многие эксперты полагают, что партия сохранила прочные связи с международными исламскими радикальными движениями.

Исламский фактор не играет основополагающей роли в Туркменистане, но и здесь действуют радикальные исламисты. Весьма активна фундаменталистская турецкая секта **«Нурджулар»** (пытающаяся действовать и в России), которая направляет студентов на учебу в Турцию (правительство этой страны пытается ограничить влияние секты). Сейчас политический ислам уже есть на юге Казахстана и Кыргызстана (в 2012 г. исламистские террористы совершили несколько боевых акций в Казахстане), исламисты играют очень важную роль в Таджикистане и представляют реальную силу в Узбекистане.

Это важно!

В этом плане весьма возможно постепенное, анклавное превращение республик региона в исламские страны.

Постепенный вывод войск НАТО из Афганистана привел к резкой активизации исламистских радикалов в стране, включая и сторонников ИГ. Это вызвало существенный рост угрозы и безопасности стран Центральной Азии и радикализации ситуации в республиках региона.

6.1.4. Национальные отношения

Распад СССР впервые в истории привел к образованию национальных государств на территории Центральной Азии. Советская форма государственности объединяла этносы, на протяжении длительного исторического периода находившиеся в весьма сложных отношениях друг с другом. В результате ее развала исторические противоречия между этносами и бывшими советскими республиками или их субрегионами стали проявляться в открытой форме.

Становление государственности до сих пор не завершилось в регионе в реальном политико-правовом смысле. В результате произвольно проведенных в советское время границ между республиками естественные границы расселения народов были рассечены административными, обретшими после распада СССР статус государственных. Несовпадение этих границ

с ареалами расселения крупных этносов служит причиной межнациональных конфликтов: на юге Казахстана — между казахами и узбеками; в Оше и Узгене — между киргизами и узбеками; в Самарканде, Бухаре, в Ленинадской области (ныне — Согдийской) Таджикистана — между узбеками и таджиками; в Каракалпакии — между узбеками и каракалпаками; в оазисах Амударьи — между узбеками и туркменами; а также между русскими и казахами в Северном Казахстане. Независимость объединила в государства национальные, религиозные и культурные общности, весьма далекие друг от друга. Потенциально это создает основу для всеобщего регионального конфликта, связанного с возможностью пересмотра существующих границ.

Каждое из государств Центральной Азии обладает сравнительно небольшим населением. Лишь в совокупности эти государства обеспечивают численность населения (около 65 млн человек), сопоставимую с соседними с Центральной Азии странами. Для региона был характерен самый высокий прирост населения в СССР. За 1960—1980-е гг. его численность выросла в 2,6 раза в Узбекистане и Таджикистане, в 2,4 раза в Туркменистане, в 2,1 раза в Кыргызстане, в 1,7 раза в Казахстане (для сравнения: в России эта цифра составила 1,2 раза). Основной прирост населения пришелся на автохтонов. В первой половине 1990-х гг. темпы роста населения замедлились (1,9% в год — в Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, 0,4% — в Кыргызстане и 0,1% — в Казахстане), но это было связано в первую очередь с выездом русскоговорящего населения. Во второй половине 1990-х гг., после завершения основного потока миграции, темпы прироста населения в Узбекистане практически сравнялись с уровнем советского периода, а численность населения Туркменистана в конце десятилетия увеличивалась почти на 4% в год. Основной прирост населения пришелся на автохтонов. Однако в новом веке они вновь упали до 0,9%—1,2% в год, лишь в Таджикистане в 2012 г. они составили 1,8%.

Ни одно из государств Центральной Азии не является этнически однородным. В последние годы существования СССР лишь в Туркменистане и Узбекистане доля населения титульной национальности составляла около 70%. В Таджикистане этот показатель составлял около 60%, в Кыргызстане — около 50% и около 40% — в Казахстане. Эмиграция русскоязычного населения, правда, резко повысила эти доли — от двух третей в Казахстане до 85% в Туркменистане.

В результате выезда русскоязычных увеличивается значение узбекского населения, уже весьма заметного во всех государствах. Особенно это видно на примере Ферганской долины, где около 1 млн человек узбеков проживает в Ленинадской области Таджикистана и 500 тыс. — в Ошской области Кыргызстана (а всего доля узбеков составляет 15—20% населения обеих стран). Наименьшее число узбеков проживает в Казахстане, но и там растет их численность в южных районах. Что касается самого Узбекистана, то там уже проживает более 43% населения всего региона.

Основное направление миграции в Россию исходит из Центральной Азии. Среди всех вынужденных мигрантов в РФ (включая выехавших из российских территорий) на долю выходцев из этого региона приходилось 40—45%

в 1992—1993 гг. и более 70% в 1994—1997 гг. Только в 1993 г. в Россию из Казахстана выехали 365 тыс. русскоязычных, а в следующем — почти полмиллиона. Процесс выезда русских из Узбекистана начался еще в советский период. За 1986—1990 гг. более 0,5 млн русскоязычных уехали из республики. В 1991—1994 гг. Узбекистан покидали по 100 тыс. человек в год. Из Кыргызстана в 1991 г. выехали более 17,4 тыс. русских, в 1992 г. — 48,5 тыс., в 1993 г. — 80,9 тыс., в 1994 г. — 31,6 тыс. Таджикистан накануне и в ходе войны ежемесячно покидали 7 тыс. русскоязычных, и к началу 1994 г. официальный статус беженцев в РФ получили 200 тыс. переселенцев из горной республики (а многие не регистрировались в органах миграционной службы). В Таджикистане остались фактически лишь те, кто не имел особых шансов устроиться в России по причине преклонного возраста и отсутствия родственников. Среди оставшихся в республике русскоязычных весьма многочисленны случаи самоубийств. К 1997 г. выехали из Казахстана более 2 млн русскоязычных, из Кыргызстана — более 400 тыс., из Узбекистана — около 450 тыс., из Таджикистана — свыше 350 тыс., из Туркменистана — 250 тыс. К концу десятилетия поток миграции ослаб (так, из Узбекистана стали выезжать 20—25 тыс. человек в год, и примерно столько же обращалось за российским гражданством), что во многом было связано с политикой российских властей, не препятствовавших миграции, но и не создавших никаких условий для приема переселенцев.

Эмиграция русскоязычного населения из Центральной Азии привела к тому, что уже к 1997 г. в регионе проживало только 9 млн русскоязычных (в 1990 г. в Центральной Азии насчитывалось 9,7 млн только русских). В 2000-х гг. процесс выезда замедлился, но уже сейчас практически нет русского населения в Таджикистане (осталось около 50 тыс. человек) и Туркменистане (около 70 тыс. русских и 150 тыс. русскоязычных). В Узбекистане доля русских снизилась до 2% (почти 10% в 1989 г.), в Кыргызстане — до 7% (370 тыс. человек, в 1989 г. — 21%, в 1959 г. — более 30%). В Казахстане число русских сократилось с 6,2 млн человек в 1989 г. до 3,8 млн в 2009 г. (доля в общем населении — 23,7%).

Хотя многие представители автохтонного населения получали за счет выезда русского и русскоязычного населения выгоды и преимущества (получение за бесценок жилья и движимого имущества, повышение в должности), однако одновременно нарастало недовольство мелких этнических групп (дунгане, корейцы и пр.), связанных с русскоязычными, появились сбои в работе промышленных предприятий, снижался уровень подготовки в высших и средних учебных заведениях, медицинского обслуживания. В Кыргызстане в 1991 г. киргизы составляли 8% квалифицированных рабочих и 3% инженерно-технических работников. После отъезда русскоязычного населения в ряде районов вообще прекратили функционирование многие технические службы (даже телефонные станции).

Дискриминация неавтохтонов в Центральной Азии не возведена в ранг официальной политики. Если первоначально узбекские власти, например, не препятствовали проведению демонстраций, участники которых несли плакаты «Русские и татары, не уезжайте, нам нужны рабы», то в дальнейшем власти начали постепенно понимать катастрофические последствия